

УДК 34
ББК 67

DOI 10.24411/2073-0454-2019-10410

© С.Я. Казанцев, В.И. Красильников, В.А. Антонов, 2019

Научная специальность 12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность

ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОКИ ТЕРРОРИЗМА

Сергей Яковлевич Казанцев, профессор кафедры криминалистики, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук

Казанский юридический институт МВД России (420059, Республика Татарстан, Казань, Оренбургский тракт, д. 128)
E-mail: kazurin@mvd.ru

Владимир Иванович Красильников, доцент кафедры криминалистики, доктор медицинских наук, профессор Казанский юридический институт МВД России (420059, Республика Татарстан, Казань, Оренбургский тракт, д. 128)

E-mail: kazurin@mvd.ru

Владимир Александрович Антонов, профессор, кандидат юридических наук, доцент Восточно-Сибирский институт МВД России (664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110)

E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. В основном идея существования терроризма держится на «трех китах»: 1) заинтересованность (агрессивное проявление шантажа одной или ряда заинтересованных стран, кланов или корпораций в отношении «соперников»); 2) финансирование (значительное финансирование этого «мероприятия» — ибо оно дорого обходится, для этого разумнее и наиболее эффективно найти и пресечь «щедрый» финансовый источник); 3) исполнители.

Данное исследование посвящено изучению происхождения непосредственных исполнителей: откуда они берутся и чем питается этот «мятежный, бесчеловечный дух?» Наиболее часто целью террористических акций становится мирное население, а главное — дети как наиболее резонансный «фактор». Дань, которую «выплачивают» терроризму, сопоставима со значительными военными действиями и становится извращенным «жертвоприношением». В фигурах самих террористов не просматривается ничего достойного изумления, усиленной работы мысли. Зло, и этим все сказано.

Ключевые слова: терроризм, теракты, террористические группы, основы, истоки и идеи терроризма, иррациональная тяга к смерти.

PSYCHOSOCIAL ORIGINS OF TERRORISM

Sergey Ya. Kazantsev, Professor of the Department of Criminalistics, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Law Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (420059, Republic of Tatarstan, Kazan, Orenburg trakt, d. 128)

E-mail: kazurin@mvd.ru

Vladimir I. Krasil'nikov, Associate Professor of the Department of Criminalistics, Doctor of Medical Sciences, Professor

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (420059, Republic of Tatarstan, Kazan, Orenburg trakt, d. 128)

E-mail: kazurin@mvd.ru

Vladimir A. Antonov, professor, candidate of legal sciences, associate professor East Siberian Institute of MIA of Russia (664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 110)

E-mail: office@unity-dana.ru

Abstract. Basically, the idea of the existence of terrorism rests on the “three pillars”: 1) interest (aggressive manifestation of blackmail of one or a number of interested countries, clans or corporations in relation to “rivals”); 2) financing (significant financing of this “event” — because it is expensive, it is more reasonable and most efficient to find and stop a “generous” financial source); 3) performers.

In this study, it is considered the origin of the direct performers — where do they come from and what does this “rebellious, inhuman spirit eat?” The most common target of terrorist acts is civilians, and most importantly, children, as the most resonant “factor”. The tribute “paid” to terrorism is comparable to significant military operations and becomes a perverted “sacrifice”. In the figures of the terrorists themselves, nothing worthy of amazement, intensified work of thought can be seen. Evil, and that’s it.

Keywords: terrorism, terrorist attacks, terrorist groups, foundations, origins and ideas of terrorism, irrational craving for death.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Казанцев С.Я., Красильников В.И., Антонов В.А. Психосоциальные истоки терроризма. Вестник Московского университета МВД России. 2019;(7):231-5.

Терроризм представляет собой одну из величайших загадок человечества. Имеется в виду, прежде всего, политический терроризм, когда человек выступает как участник или сторонник акта физического уничтожения своих идеологических противников. Чаще всего их жертвами оказывались лидеры государств, политические деятели, религиозная элита.

Причем именно молодые люди являлись исполнителями, своими руками осуществлявшими террористический акт. Как правило, идеи, которыми они воодушевлялись, в обществе разделяли многие, стремясь к тем же самым целям. Но люди постарше, вооруженные жизненным опытом, поступали по-другому [1,2]. В основном, терроризм, не приводит к ожидаемым результатам, решают иные силы, но исторический опыт не учит решительно ничему, искушение искать выход в индивидуальном или групповом терроре остается неизменно низким и непреодолимым, разве что техническое оснащение становится более изощренным [3]. Исследователи терроризма, разрабатывали подробные классификации с множеством типов, видов и подвидов. Действительно, религиозный терроризм характерен для одних стран, со своими традициями, уровнем развития, особенностями культуры, а, анархо-коммунистический — совсем для других. Но, шаблон! Шаблон абсолютно одинаков [4].

Отношение к терроризму и террористическому акту целиком зависит от позиции наблюдателя. Если вы в принципе находитесь с ним по одну сторону баррикад, сочувствуете его целям, вас, прежде всего, привлечет верность великому идеалу, бесстрашие, самопожертвование. Если же это ваш идейный противник — содрогнетесь от его жестокости, беспощадности, презрения к человеческой жизни. Парадокс в том, что оба мнения одинаково правомерны, при этом невозможное, становится возможным. Например, отклики арабской и израильской прессы на убийство Игалем Амиром премьер-министра Израиля Ицхака Рабина прямо противоположны. Террорист действительно совмещает в себе несовместимое: светлый идеализм и примитивную кровожадность, высоту помыслов и готовность к насилию, типичную для людей нераз-

витых либо изломанных, неспособных мыслить и испытывать сложные чувства [5].

В большинстве стран терроризм расценивается как преступление. Следовательно, террорист должен ощущать себя преступником, его поведение должно подчиняться той же логике, которая управляет любым злостным нарушителем закона. Если проанализировать материалы истории «Народной воли», поражает фанатическая изобретательность, упорство, фантазии, которые вкладывались в организацию покушений. То же и в наши дни. Террористы повсеместно оставляют свои «визитные карточки», то и дело слышишь: «Ответственность за убийство взяла на себя группа такая-то». Это, собственно, предполагается самими правилами игры: терроризм потому и называется так, что от каждой акции должны широко расходиться волны ужаса, трепета, растерянности, а этого террорист не добьется, если не продемонстрирует себя сверхчеловеком, непреклонным, готовым на все [6].

Что же движет террористами, каков механизм этого явления, заставляя их так легко играть со смертью? Обращает на себя внимание отсутствие сожаления или раскаяния и полное отсутствие страха смерти, готовность идти на гибель. Общеизвестно, как могуч и непобедим инстинкт самосохранения, инстинкт жизни. Если он пасует, смиряется перед чем-то, то каждый такой случай заслуживает отдельного рассмотрения и анализа психоаналитиков и психиатров [6, 7].

Проанализируем (так будет проще) примеры хрестоматийные. После казней Желябова, Перовской, Кибальчича, Рысакова и Михайлова, делом была доказана несостоятельность их иллюзий, народ не только не всколыхнулся, но даже и не попытался заступиться за «своих избавителей». О чем говорит такое полное отсутствие прагматизма, делового, практического начала в тех, кто ставил перед собой, по крайней мере, на словах, сугубо деловые, практические задачи переустройства общества? Вскормленная патологическими фантазиями ментальность слепа к таким ошарашивающим противоречиям и преданность иллюзорным идеям и целям полностью перекрывает все человеческие

чувства и оправдывает жестокость и беспощадность по отношению к ближним. Что же заставляет этих людей включаться в подобную игру, принимая ее жесточайшие, нелепейшие условия? Воспринимая за счастье умереть «за свое дело», притом, что реальная сущность этого дела как бы остается за кадром. Да, мы умрем, но что именно оплатим мы ценой своей жизни? Ответа нет. Александр Ульянов (ранее, родные всерьез опасались, как бы Саша не покончил с собой после смерти отца) отказывает матери, убеждавшей его подать прошение о помиловании, и потаенное влечение к смерти запускает механизм невероятных страданий, что говорит об определенном психопатологическом расстройстве личности [8]. Это магнетическое влечение к смерти, по всей вероятности, возникает на определенных, более ранних этапах развития личности. И если и связано с определенными революционными идеями, то скорее в обратном порядке. Она является как бы «на все готовое», чтобы оправдать, «рационализировать» идущий из глубины подсознания, властный призыв энтропии [8]. Подобную цепь психоанализа можно проследить, рассматривая личности, биографии и поведение едва ли не всех «выдающихся» террористов. Вспомним Фанни Каплан, покушавшуюся на жизнь Ленина и Леонида Каннегиссера — убийцу председателя петроградской ЧК Урикого. Фанни Каплан решительно отвергала все радости, которые сулила ей жизнь, проповедуя готовность идти «на плаху».

Леонид Акимович Каннегиссер, был поэтом. О нем писала Марина Цветаева «...хрупок, нежен... цветок». Непоследователен и иррационален, склонный к крайним суждениям. Например «Победить или умереть!». Так он характеризуется в очерке поэта и писателя первой волны русской эмиграции Георгия Иванова «Петербургские зимы», Париж, 1928). Таким образом, воссоздаются штрихи к психологическому портрету этого террориста, используя строфы его стихов и воспоминания современников. «Радостная смерть» за Россию и свободу, за человечество ему всегда мерещилась («Воля России», Прага, 1929, № 5-6).

Так, строится версия, переворачивающая стереотипные представления о психологических механизмах терроризма. Эти стереотипы исходят из понимания терроризма как явления, лежащего в сфере иррационального. Согласно этой концепции, терроризм, который один из его исследователей профессор права Р. Е. Рубинштейн, образно назвал «алхимией революции», является всего лишь

одной из форм целенаправленной деятельности. Кто-то добывается своего на выборах, воздействуя на общественное мнение, а кто-то с динамитом или стволом в руках — устраняя одних противников и посылая вызов другим в виде леденящих душу кровавых сцен. Терроризм, таким образом, предстает как феномен «как бы разумного»: анти человеческого и анти социального поведения человека и человеческих групп, когда намерения искажаются, средства придумываются, действия подчиняются «как бы логически оправданной», легко объяснимой словами установке. Остается правда вопрос: почему одни идут сражаться за свою идею в парламент, а другие — в засаду, с чем это связано. Но все это с позиций иррационализма, второстепенно: тут важны не лица, а действия, не мотивы, а результаты [9].

При этом, первична не цель, а душевное побуждение, в данном случае принимающее вид странной тяги к смерти, потребности самому играть с ней в поддавки. Возможно, что здесь начало и исходный побудительный импульс. Политика же, идейные враги, чувство долга и все остальные атрибуты как бы отодвигаются на второстепенное, подчиненное место. Это не цель, а лишь средство или, точнее ситуация, дающая выход и подсказывающая действия для реализации неясных душевных побуждений. Не будь под рукой соответствующих политических ситуаций, эти импульсы, возможно, нашли бы для своего воплощения иное русло, так сходная структура психики встречается у фаталистов, испытывающих удовольствие от игры в «русскую рулетку», у скалолазов, у лиц, прошедших «специальный отбор» в школу камикадзе, ибо далеко не каждый подходит на роль самоубийцы [10]. Весь психосоциальный опыт человечества может перемещаться в сферу иррационального, а рациональность при этом превращается в видимость, при этом она играет роль не более чем прикрытия: обеспечивая переход бессловесного томления к слову и действию, к возможности общения и консолидации с другими людьми. Она создает у человека иллюзию понимания им самого себя, без чего немислимо сохранять «как бы душевное равновесие» [11].

Если принять такую трактовку проблемы, становится понятнее, почему терроризм вовлекает в себя именно «зеленую», а иногда и «золотую» молодежь. Ибо только в переломном периоде «перестройки организма» становится возможным такое господство над человеческой психикой иррационального начала, только юношеским кризисам

свойственен явственный акцент смерти. Становится понятно и то, почему при всех полярных различиях между «религиозниками» и «троцкистами», палестинцами и латиноамериканцами террористические группировки во всем мире действуют во многом одинаково, не совпадая лишь по каким-либо внешним признакам. Данная методика, позволяет раскрыть и причины массовых проявлений терроризма в обществах, переживающих периоды неустойчивости, затянувшегося перехода от одних, явно уже изжитых форм социального существования к другим, уже обозначившимся, но еще не получившим свободы утвердиться. Откуда это загадочное, и особенно в юном, полном сил и энергии человеческом существе, влечение к смерти? Биологически рождение ребенка происходит в один точно до секунд зафиксированный момент. Но личность рождается по-другому. Это не акт, это долгий, растянутый во времени процесс, состоящий из нескольких этапов. И хотя границы между ними смазаны и трудноуловимы, все же их преодоление настолько важно для формирующегося человеческого существа, что и тут правомерно говорить о рождении [10].

Достаточно хорошо известно, какое значение придавал Сигизмунд Фрейд «Эдиповой фазе», когда 5-6 летний ребенок ценой преодоления тяжелейших внутренних, а иногда и внешних конфликтов проходит от чисто младенческой привязанности к отцу и зависимости от него. Через распад «Эдипова комплекса», тоже к привязанности и зависимости, но уже качественно иным, знаменующий более высокий уровень его психологической самостоятельности. Вместе с тем, последователи Фрейда рассмотрели еще один, более ранний этап развития, подготавливающий «Эдипову фазу», за что она и получила название «до Эдиповой». Вполне возможно, что начинается она еще в период, предшествующий рождению, и уж вне всяких сомнений — с первых минут появления на свет, и суть ее состоит в неотделимости ребенка от матери. Она для него — все; если ему хорошо, то только с ней и благодаря ей; если ему плохо, то только потому, что ее нет рядом. К году — чуть раньше чуть позже, до Эдипова фаза распадается. Мать и в жизни, и в эмоциональном мире ребенка остается — и остается навсегда — самым главным, первым человеком, но уже в ином роде. Отношение к матери перестает быть абсолютным, всепоглощающим, и хотя она по-прежнему вне конкуренции, у ребенка начинает проявляться тяга и к другому миру, не

связанному напрямую с ней. Но может случиться и так, что «до Эдипова» фаза не распадается полностью. Все признаки взросления и возмужания, не только физического, но и психического налицо, но в своем бессознательном человек остается в плену сохранившейся с младенчества тотальной связи с матерью и мучительных, хоть и не поддающихся расшифровке переживаний, связанных с тем, что ни ему, ни ей жизнь не позволяет заново воспроизвести эту ситуацию абсолютной взаимной принадлежности. Отсюда и вырастает влечение к смерти — к тому, чтобы вернуться назад, к сладостному состоянию небытия, бессознательная память о котором обесценивает все преимущества и радости реальной жизни [10].

Вполне вероятно, что в эту гипотезу укладывается и изумляющая мир двойственность психической природы террориста, это соединение в одном лице самых высоких и самых низких побуждений и поступков. Лежащая в основе его личности гиперболизированная любовь к матери трансформируется с возрастом в такую же горячую привязанность к земле, к стране (Родина-мать). Вместе с тем, влечение к смерти, к самодеструкции, вслед за равнодушным отношением к собственной жизни порождает аналогичное пренебрежение и чужими жизнями. Если мне себя не жалко, то могу ли я жалеть других? Когда глубинные опоры, на которых стоит общество, начинают сотрясаться, то первой испытывает эти колебания и первой реагирует на них семья — микрокосм общества. Вот почему сложным, кризисным периодам сопутствует и взлет терроризма, так как резко падает вероятность того, что семье удастся нормально провести ребенка через естественные фазы его развития [11, 12].

На основании вышеизложенного, можно сделать выводы о крайней необходимости комплексного, многокомпонентного психосоциального исследования психики личностей, склонных к терроризму, ибо порой иррациональность энтропии заменяет сознанию этого создания рациональность, поскольку целью, к которой влечет террориста неосознанная тяга к «самоликвидации», является задача принятия мученического венца, которая, «блокирует» инстинкт самосохранения.

Заключение.

Возможно, что данное исследование позволит помочь не только в профилактике явлений терроризма, выявит их источники и факторы, способствующие их проявлению, но и наметить пути к предупреждению этого опасного для общества недуга.

Литература

1. Абакумова И. В. Психология формирования антитеррористических ценностей студентов современного университета. /И. В. Абакумов, П.Н. Ермаков/ М.: Кредо, 2013. — 352 с.
2. Грачев С.И., Идеология как определяющий компонент террористической активности и антитеррористической политики. /С. И. Грачев, О.А. Гасымов, А.С. Попов // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2013. — № 12
3. Лебедева И. Н. Психология личности террориста Законность и правопорядок в современном обществе. №9, 2012. С. 123-128.
4. Леонтьев Д.А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.10.2015).
5. Мангушев Д. Ф. Деятельность организаций социокультурной сферы по предупреждению проявлений экстремизма и терроризма: /Д.Ф. Мангушев, С.Н. Миронов, Е.П. Шляхтин/ практическое пособие /– 2-е изд., перераб. и доп. — Казань: ГБОУ РТ ИДПО, 2016. — 111 с.
6. Моргентау Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост.: науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. — М.: Гардарики, 2002. — С. 72–88.
7. Моров А.В. Лидерство и экзистенциальная рефлексия в системе социально-психологической адаптации личности // Казанский педагогический журнал. Казань. 2014. №5 (106). С. 116–122.
8. Ольшанский Д. В. Психология терроризма. Издательство Питер, 2002, 215 с.
9. Франкл В. Человек в поисках смысла // Психология личности в трудах зарубежных психологов/ Сост. А.А.Реан. СПб., 2000. С. 234–244.
10. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М.: Академический проект, 2011. 122 с.
11. Фромм Э. Человек для самого себя. М. : АСТ, 2008. 763 с.
12. Walzer M. Regime change and just war // Dissent. 2006. — Vol. 53. — N 3. — P. 103–108.

References

1. Abakumova I.V. Psychology of the formation of antiterrorist values of students of a modern university/ I.V. Abakumov, P.N. Ermakov / M. : Credo, 2013. - 352 p.
2. Grachev SI, Ideology as a determining component of terrorist activity and anti-terrorism policy. /WITH. I. Grachev, O.A. Gasimov, A.S. Popov // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2013. — No. 12
3. Lebedeva I. N. Psychology of the personality of a terrorist. Law and order in modern society. No. 9, 2012. S. 123-128.
4. Leontiev D.A. The challenge of uncertainty as the central problem of personality psychology // Psychological research. 2015.V. 8, No. 40. С. URL: <http://psystudy.ru> (accessed: 01.10.2015).
5. Mangushev DF Activities of organizations of the socio-cultural sphere to prevent the manifestations of extremism and terrorism: / D.F. Mangushev, S.N. Mironov, E.P. Shlyakhtin / practical manual / — 2nd ed., Revised. and add. — Kazan: GBOU RT IDPO, 2016. 111 p.
6. Morgenthau G. Political relations between nations: the struggle for power and peace // Theory of international relations: anthology / Comp. : scientific. ed. and comment. P.A. Tsygankova. — M.: Gardariki, 2002. — S. 72–88.
7. Morov A.V. Leadership and existential reflection in the system of socio-psychological adaptation of a person // Kazan Pedagogical Journal. Kazan. 2014. No5 (106). S. 116–122.
8. Olshansky D. V. Psychology of terrorism. Peter Publishing House, 2002, 215 pp.
9. Frankl V. Man in search of meaning // Psychology of personality in the works of foreign psychologists / Comp. A.A. Rean. SPb., 2000.P. 234–244.
10. Freud Z. Psychology of the masses and analysis of the human “I”. М. : Academic project, 2011.122 s.
11. Fromm E. Man for himself. М.: AST, 2008.763 s.
12. Walzer M. Regime change and just war // Dissent. 2006. — Vol. 53. — N 3. — P. 103–108.